Итак, рассматриваемое истолкование искусства древней Руси не основывается на исследовании фактов, а представляет собою домысел, не согласуемый с фактами и противоречащий им. Такое объяснение не является научным объяснением. Вместе с тем, ложно оценивая одно из замечательнейших художественных наследий русского народа и одно из наиболее ярких проявлений его гения в прошлом, подобное истолкование искажает и умаляет значение этого наследия, внушает и укрепляет ложное к нему отношение.

Искусство древней Руси было искусством прогрессивным. Этого не следует упускать из вида. Оно было связано с коренными изменениями в общественной жизни восточных славян, переходом к более высокой форме общественной организации, появлением нового, передового для своего времени феодального строя. Это искусство открывало человеку новые стороны окружающей его жизни, и как бы окружающая действительность ни понималась, все же то был шаг вперед в ее познании. Искусство выражало новые общественные идеи, порожденные возникавшими феодальными отношениями и служившие им. Без преувеличения можно сказать, что оно явилось одним из самых мощных средств, которые способствовали развитию, укреплению нового строя и преодолению идеологических пережитков старых общественных отношений, отживших свой век, препятствовавших историческому развитию. И в дальнейшем искусство древней Руси, за исключением некоторых моментов своей истории, было искусством прогрессивным, поскольку оно продолжало отражать передовые идеи развивающегося феодального общества. Имена Андрея Рублева, Дионисия, Симона Ушакова отмечают отдельные ступени этого развития.

Такое искусство не могло быть, да и не было, конечно, искусством, оторванным от жизни, искусством, «отрицающим реальность мира», так как весь смысл его заключался в утверждении той «действительности», того мира, отражением которого оно являлось, хотя отражение это и было чаще всего фантастическим.

Те, кто толкует древнерусское искусство как искусство «потустороннее» и противостоящее жизни, упускают из вида многообразные формы связи этого искусства с жизнью. Поясним сказанное рядом примеров.

Уже давно историки русской культуры обратили внимание на достоверность тех или иных изображений в древнерусской живописи. Та степень точности, с какой художник (не изменяя условности стиля) мог передавать и передавал современные ему одежды, оружие, орудия труда, отдельные вещи, почему-либо привлекшие его внимание, те или иные действия, обычаи, эпизоды, взятые из жизни, и т. п., — эта степень точности сообщает многим памятникам древнерусской живописи значение исторических документов, которые помогают изучению отдельных сторон культуры и быта древней Руси.[74] В книжных миниатюрах «художник-иллюстра-

---

[74] Материалы для археологического словаря. Древности. Труды Московского археологического общества, т. II, М., 1870, статьи на слова: Бирючь (стр. 5), Жилище, деревянные постройки (стр. 17—34), Рало (стр. 45); В. Прохоров. Материалы по истории русских одежд. СПб., 1871; И. Мансветов. Художественные и бытовые данные в славянском списке летописи Георгия Амартола из библиотеки Московской духовной академии. Труды V археологического съезда, М., 1887, стр. 165—166; Ф. Буслаев. Мои воспоминания. Вестник Европы, 1898, февраль, стр. 579; Н. Кондаков. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906; А. Арциховский. 1) Древнерусская миниатюра как исторический источник. Изд. МГУ, 1944; 2) Русская одежда X—XIII вв. Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. III. М., 1945; 3) Лыжи на Руси. Труды Института этнографии АН СССР, вып. 1. М.—Л., 1947; Б. Рыбаков. «Окна в исчезнувший мир». Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. IV. М., 1946, и другие сочинения;